

Т. М. Шихова

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСХОДНОГО ОБРАЗА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД»
В СТИХОТВОРЕНИИ ВЯЧ. ИВАНОВА «ИЗ «ДАМСКОГО ДНЕВНИКА 1944»»**

*Работа представлена кафедрой языкознания
Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова.*

Статья посвящена рассмотрению причин развития эврисемичности фразеологического значения и особенностей ее проявления в языке и речи на примере фразеологизма «запретный плод». Анализ включает в себя сравнение толкований значения в словарях; сведения о происхождении; определение типовых ситуаций употребления, отраженных в контекстах XIX–XXI вв.; описание окказионального употребления.

Ключевые слова: *разеологическая единица, эврисемичность, переосмысление, употребление, образ, внутренняя форма.*

T. Shikhova

**TRANSFORMATION OF THE INITIAL IMAGE OF THE PHRASEOLOGICAL
UNIT “FORBIDDEN FRUIT” IN THE POEM “FROM THE LADY’S DIARY 1944”
BY VYACH. IVANOV**

The article touches upon the causes for the development of heurisemics of a phraseological meaning and peculiarities of its manifestation in language and speech by the example of the phraseological unit “forbidden fruit”. The analysis includes:

1) the comparison of definitions in dictionaries; 2) information on the origin; 3) definition of typical situations of usage fixed in the contexts of the 19–20th centuries; 4) description of occasional usage.

Key words: phraseological unit, heuristics, transformation of sense, usage, image, inner form.

Своеобразие значения идиом, хотя и объясняется по-разному*, признается большинством фразеологов. Заметим, что разрабатываемые на современном этапе аспекты изучения фразеологического значения связаны с такими его признаками, как эврисемичность и диффузность, – особенности фразеологических единиц (ФЕ), отмеченные в свое время учеными, стоявшими у истоков становления фразеологии как науки.

Так, сам факт, что ФЕ характеризуются широким, неконкретным значением, был отмечен еще В. В. Виноградовым. Более того, он счел необходимым подчеркнуть, что эта особенность семантики фразеологизмов является необходимым условием их функционирования, ибо «конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [11, с. 18]. Б. А. Ларин подчеркивал, что «самым существенным и решающим условием преобразования простого речения в идиоматическое было семантическое обогащение, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении в сторону образной типичности» [20, с. 220]. А. М. Бабкин, отмечая трудности определения значения идиомы, подчеркнул, что «в отличие от слова идиома по своей природе семантически диффузна, ее смысловые обертоны почти неотличимы, в той или иной степени они присутствуют при любом употреблении идиомы» [3, с. 10, 11].

В задачи этой статьи не входит обоснование разграничения понятий *эврисемичность* и *диффузность*. Отметим лишь, что эврисемичность предопределяется особенностями внутренней формы, т. е. соотношением актуального значения и исходной образности идиомы, диффузность же отражает особенности актуализации фразеологического значения в речи и, как следствие, находит отражение в лексикографической практике в

рамках семантической структуры фразеологизмов эврисемичных по содержанию понятия. Кроме того, следует подчеркнуть, что существуют различные типы диффузности значений, причем не только фразеологических, но и лексических единиц языка**. Думается, что диффузность имеет место и на грамматическом уровне, так как «в диффузности значений проявляются фундаментальные свойства языковой системы, в частности ее динамичность и экономность» [10, с. 24].

В этой статье мы обратились к рассмотрению причин развития эврисемичности фразеологического значения и особенностей ее проявления в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*.

Толчком к постановке названной проблемы явился анализ контекстов употребления идиомы и сопоставление его результатов с толкованиями в фразеологических словарях. Заметим, что анализ ФЕ в контекстах употребления позволяет говорить о подвижности их семантики. Сведения же, содержащиеся в словарях, свидетельствуют, что объем значения и границы между значениями и оттенками значений неясны.

Анализ фразеологизма *запретный плод* предварим рассмотрением теоретических положений, касающихся определения эврисемичности как фразеосемантической категории и окказионального семантического преобразования идиом.

Расширение значения фразеологизма и особенности его индивидуально-авторского употребления, на наш взгляд, предопределяются спецификой единиц фразеологии, которая состоит «в постоянной актуализации диахронического момента, в совмещенности диахронии и синхронии» [23, с. 110]. С отмеченной спецификой мы связываем причины порождения фразеологической эврисемии, которые, в свою очередь, предопределяются

внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами. Она обусловлена, во-первых, своеобразием фразеологического образа, на основе которого возникает множество ассоциативных связей, вследствие которых расширяются номинативно-характеризующие возможности фразеологических единиц [28, с. 51]. Во-вторых, употреблением в контекстах, отражающих различные коммуникативные ситуации.

Определение *эврисемичности* как фразеосемантической категории, согласно нашей концепции, основывается на анализе фактического материала с точки зрения соотношения объема и содержания понятийного компонента фразеологического значения. На наш взгляд, *эврисемичность* – это фразеосемантическая категория, представленная в системе языка оппозицией *эврисемичных* – *неэврисемичных* фразеологизмов, отличающихся характером соотношенности с действительностью и наличием/отсутствием разноплановых дифференциальных понятийных признаков в семантической структуре фразеологического значения.

Эврисемичность характеризует системное языковое значение фразеологизмов. Как следует из ее определения, в системе языка представлены идиомы, демонстрирующие различные проявления этой фразеосемантической категории в виде неэврисемичных и эврисемичных по объему или содержанию понятия фразеологизмов***. Заметим, что в контекстах актуализируются основные и потенциальные семы как эврисемичных, так и неэврисемичных единиц. Известно, что актуализироваться может только системное значение и то, что свойственно единице в потенциале. Этот потенциал содержится в системе языка, т. е. в структурно-семантических связях, и во внутренней форме фразеологизма. Причем эврисемичные фразеологизмы обладают способностью актуализировать и совмещать большее количество смысловых оттенков. Эта способность предопределяется соотношением с коммуникативной ситуацией, их коммуникативной значимостью. Именно поэтому путь развития эврисемич-

ности и многозначности не закрыт для неэврисемичных, обозначающих конкретные понятия, фразеологизмов. Особенностью же эврисемичных фразеологизмов является необходимость конкретизации их значения в различных коммуникативных актах. Свойство эврисемичности, таким образом, предопределяет подвижность значения фразеологизмов, его расширение и развитие, особенности узуального и индивидуально-авторского, в том числе окказионального, употребления. Среди разнообразных видов авторских преобразований в рамках рассмотрения поставленной в этой статье проблемы нас интересуют семантические преобразования, и в частности такая их разновидность, как переосмысление фразеологической единицы, т. е. коренное преобразование фразеологизма, полное изменение его смыслового содержания [22, с. 43, 44]. Такое семантическое преобразование основывается на переосмыслении исходного образа фразеологизма, что, в свою очередь, объясняется ассоциативным характером человеческого мышления, его (фразеологизма) немоделируемостью в плане порождения и экстралингвистическими причинами. Заметим, что под немоделируемостью в этом случае подразумевается непрогнозируемость конкретного смыслового результата при семантическом преобразовании свободного словосочетания или метафорического переосмысления текста [см.: 24, с. 34–40].

Перейдем к рассмотрению конкретного примера – фразеологизма *запретный плод*. Анализ включает: 1) сравнение толкований значения в словарях; 2) сведения о происхождении фразеологизма, особенностей формирования его образа; 3) определение типовых ситуаций, отраженных в контекстах XIX–XXI вв.; 4) описание окказионального употребления идиомы как результат переосмысления исходного образа на примере функционирования рассматриваемого фразеологизма в стихотворении Вяч. Иванова «Из «Дамского дневника 1944»» [17].

Вначале обратимся к анализу толкований фразеологизма в лексикографических источниках, определению его происхождения и к

рассмотрению эволюции употреблений идиомы в типовых коммуникативных ситуациях.

Толкование значения фразеологизма *запретный плод* в большинстве словарей строится на оппозиции ‘то, чего кто-либо хочет, но иметь не может или не имеет права’. Первая часть противопоставления представлена в привлеченных к анализу словарях следующими семами:

- в трех словарях фиксируются семы ‘желанное’ и ‘заманчивое’ [33, с. 320; 7, с. 540; 12, с. 184]; в одном словаре представлена сема ‘привлекательное’ [12, с. 184].

Вторая часть оппозиции представлена тремя семами:

- в трех словарях фиксируется сема ‘недозволенное’ [33, с. 320; 7, с. 540; 8, с. 229] и/или сема ‘недоступное’ [7, с. 540; 12, с. 184; 8, с. 229]; в двух словарях толкования включают сему ‘запрещенное’ [33, с. 320; 12, с. 184] Интересно, что в работе [8] определение понятийного компонента значения содержит дифференциальные признаки только второй части оппозиции (‘недозволенный или недоступный’). Первая же часть противопоставления (‘привлекательный’, ‘заманчивый’, ‘желанный’) наряду с другими характеристиками (‘недостижимый’, ‘трудно доступный’, ‘связан с риском или опасностью’, ‘вызывает особое внимание и интерес’) вводится в этом словаре в характеристику типовых ситуаций употребления данного фразеологизма в современном русском языке.

Известно, что фразеологизм восходит к библейскому мифу о древе познания добра и зла, срывать плоды которого Бог запретил Адаму и Еве [7, с. 540; 12, с. 184]. В Книге Бытия говорится: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16–17). Но змей-искуситель убедил Еву в том, что в день, в который они вкусят запретные плоды, «откроются глаза их

и они будут как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:6). Ева и Адам нарушили запрет и были изгнаны из рая. «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт. 3:23) [6].

В культурологическом комментарии И. В. Зыкова отмечает, что образ фразеологизма выполняет роль табу – «запрета, накладываемого на какой-л. предмет, на человека, на совершение каких-л. действий и регламентирующего важнейшие стороны жизни человека: обеспечивает соблюдение брачных, религиозных, а также разнообразных социально-культурных установок, охраняет от опасностей и др.» [15, с. 230].

Плод – это символ земных желаний [18, с. 402]. Фразеологизм же является «эталоном кого-л., чего-л. заманчивого, соблазнительного, привлекательного, но запрещенного или недостижимого» [15, с. 230]. Изменение значения, развитие эвристичности рассматриваемого фразеологизма сопровождается его отрывом от первоисточника. Подобное развитие является типичным для многих ФЕ библейского происхождения. См., например, анализ фразеологизмов *соль земли, альфа и омега, блудный сын, святая святых* и др. в [36, с. 83–96].

В художественных произведениях XIX – начала XX в. фразеологизм употребляется в типовых ситуациях, отражающих межличностные отношения в социуме (прежде всего между мужчиной и женщиной, детьми и родителями), при этом актуализируются смысловые оттенки обобщенного значения и конкретизируется его денотативная соотнесенность.

Например, в известном контексте: *Но мой Онегин вечер целый / Татьяной занят был одной, / Не этой девочкой несмелой, / Влюбленной, бедной и простой, / Но равнодушною княгиней, / Но неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы. / О люди! Все похожи вы / На прародительницу Еву: / Что вам дано, то не влечет, / Вас непрестанно змий зовет / К себе, к таинственному древу; / **Запретный плод** вам подавай, / А без того вам рай не рай* (А. С. Пушкин)

кин. Евгений Онегин) – *запретный плод* – это любовь замужней, недоступной женщины, которой добивается Онегин. Другие примеры: – *Кабинет являлся для Шуры заколдованным царством, к которому она не смела приближаться. Но зато она постепенно завоевала все другие комнаты, которые раньше являлись запретным плодом* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Забытый альбом) – здесь отражена ситуация, связанная с запретами в процессе воспитания детей в семье. *Мечтая о сцене, Тася тайком приехала в театральный клуб, вкусить запретного плода* (П. Д. Боборыкин. Китай-город), а здесь *запретный плод* обозначает желанный жизненный путь, профессию, о которой мечтает молодой человек или девушка и которая не одобряется родителями.

В контекстах, отражающих современную речь, наблюдается расширение объема значения рассматриваемого фразеологизма. Его понятийное содержание охватывает уже не только смысловое пространство исхода *что*, но и исхода *кто* [см.: 35, с. 24]. То есть ФЕ обозначает лицо или группу лиц, предмет, деятельность, ситуацию, которые являются недостижимыми или трудно доступными, могут быть связаны с риском или опасностью, что вызывает особое внимание и интерес, делает привлекательным, заманчивым и желанным для другого лица или для группы лиц [8, с. 229]. Судя по контекстам, приведенным в словаре [8], *запретный плод* в современной речи – это, например, *книги* в ситуации, способствовавшей возникновению Самиздата; *творчество вокально-инструментальных ансамблей*, которым не предоставлялись площадки для выступления; *управление автомобилем на большой скорости*, вопреки советам инструкторов; *ранний сексуальный опыт* в ситуации негативного к нему отношения в обществе; *дочь богатого и влиятельного человека* в ситуации материального и социального расслоения общества; *запрещенный в открытом показе фильм*, полная версия которого имеется в российском Интернете и т. д. Очевидно, что приведенный перечень можно продолжать до бесконечности.

Обращение к библейскому источнику и своеобразное переосмысление исходной образности фразеологизма *запретный плод* находит отражение в поэтических произведениях поэтов «серебряного века» (Д. Мережковского, Вяч. Иванова, Н. Гумилева, М. Цветаевой, А. Присмановой). Помимо отмеченных ранее факторов, окказиональное преобразование образной основы рассматриваемого фразеологизма указанными авторами объясняется также возможностью актуализации в речи потенциальных сем, имеющихся в значении прототипа, мотивирующего значение возникшей на его основе ФЕ [см.: 24, с. 40]. Кроме того, новому переосмыслению прототипа способствуют экстралингвистические факторы, в частности, изменение мировосприятия, кризисное мироощущение человека эпохи рубежа веков. Начало XX в. – это эпоха, когда переосмысливаются основные этические и эстетические доминанты [см.: 5]. И не случайно возрастает интерес к Библии как к источнику человеческой мудрости и книге книг.

Анализ поэтического материала показал, что разного рода структурные преобразования (варьирование, фразеологическая аллюзия) могут быть усложнены изменениями в структуре самого образа ФЕ, а значит, изменением ее семантики. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу: в поэзии «серебряного века» внутренний образ библейского фразеологизма полностью или частично переосмысливается, что связано с особенностями мировоззрения, мировосприятия поэта. Фразеологизм становится как бы основным элементом в построении поэтического текста, реализующего религиозно-философскую и/или этическую концепцию автора.

Интересна логика семантической трансформации фразеологизма в стихотворении Вяч. Иванова «Из «Дамского дневника 1944»» [17], в котором отразились новые религиозные концепции, в частности, «религия нового Адама» С. Н. Булгакова [12] и собственные взгляды Иванова на религиозность в русле его представлений о новой русской соборности и новом русском Боге. Содержание произведения перекликается также с архетипами К. Юнга [38]. Приведем строки стихотворения:

*Даром жизни скоротечной
Кто пугливо дорожит,
Кто при слове Смерть дрожит, –
Как забудется, беспечный,
Чужа, что с каких-то пор
Каждый час его сосчитан,
Зная, что над ним прочитан
С детства смертный приговор?*

Узуальное значение рассматриваемого фразеологизма является результатом переосмысления содержания библейской легенды о грехопадении Адама и Евы, об изгнании их из рая и связано с обозначением проявлений земной жизни. В стихотворении же Иванова образ исследуемого фразеологизма трансформируется из плода жизни в плод смерти. Причины такой трансформации предопределяются текстом Библии и переосмыслением его автором стихотворения. Повторим следующую цитату из Библии: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16–17) [6]. В этой связи вспоминается образ *древа жизни*, плоды которого, согласно Библии, сообщают вкушившему бессмертие и совершенство [12, с. 177]. В толкованиях богословов образы *древа жизни* и *древа познания добра и зла* противопоставляются. «Бог разрешил человеку питаться всеми плодами с дерева жизни. И это была подлинная жизнь. Человек же отпал от жизни, вкусил с дерева познания добра и зла, противопоставил Богу свой разум и свое добро, возникшее от различения, от плодов запретного дерева, создал мир закона, мир общеобязательной истины, общеобязательного добра» (Н. Бердяев. Древо жизни и древо познания) [12, с. 178]. Ср. также комментарий «Изгнание из рая» в разделе «Символы Христианства» в [4, с. 180–183].

Исходя из евангельской легенды о грехопадении Адама и Евы, а также из концепции «первого Адама» С. Н. Булгакова следует, что первый человек благодаря своей полутварности, полубожественности изначально пребывал в бытии, созданном Богом;

*Но когда б Она слетела
И рукою костяной
Взять из уст его хотела –
Душу? – нет, а наливной
Сладкий плод, что закусил он, –
Не отсрочки бы просил он
Зова Божья на года, –
А душистого плода.*

жизнь его на земле началась лишь после грехопадения, когда Ева откусила от запретного плода.

Трансформация, таким образом, происходит в силу того, что исходя из концепции самого Иванова жизнь не истинна, ибо конечна, смерть – это вечное состояние, что есть истина. Следовательно, плод смерти – нечто иное, чем плод истины. Истина, ее познание всегда желанны человеку, желанен, следовательно, и плод смерти.

Жизнь Адама после грехопадения протекает без истины; познание ее не дано человеку, так как нарушение завета привело к потере целомудрия. Идея греховности расколола целостность человека, в результате чего высшие и низшие стороны человеческой природы не смогли ужиться вместе. Мир распался на противоположности, произошло «христианское разрывание человека на две части – полноценную и отверженную» [39, с. 236].

Если в ветхозаветной традиции образ плода связан с детством Адама и Евы и с райским состоянием перволюдей, то ивановский плод («сладкий», «наливной», «душистый») есть признак Адамова старения. Заметим, что плод символизирует единство смерти и жизни. Одновременно со старением (концом процесса) происходит зарождение, актуализация мужского начала. С. Н. Булгаков характеризует Адама как деятельного, логичного, полного инициативы. «Мужское начало, солнечное, гениальное, логическое, является зачинательным, ему принадлежит тема, мотив, импульс, с ним связано узрение софийных сущностей, созерцание идей» [9, с. 264]. Обретя мудрость жизни, Адам осознает, что смерть – самый верный путь постижения истины и тем самым стремится к

смерти. С вкушением плода он обретает целомудрие и духоносность; через смерть достигает изначального, детского состояния, а именно – обретает истинную жизнь, приближающую его к Богу.

Вяч. Иванов развивает и еще одну мысль. Плод не привнесен в жизнь, а произведен самим Адамом («покаянья плод твою»), который, обретая мудрость, оказывается способным к покаянию. Являясь основной реализацией мудрости, покаяние – одно из условий возвращения к Богу. «Принцип христианского соединения противоположностей есть поклонение Богу <...>» [39, с. 274]. Отсюда следующее противопоставление: *сладкий* (но не истинный) *плод* – *плод покаяния* (горький, но истинный).

Ветхозаветный момент вкушения плода – это вкушение жизни, а вкушение плода смерти новым Адамом дает начало истинной, свободной от противоположностей, жизни. «<...> существенная этическая задача заключается в том, чтобы не позволять противоположностям оказать влияние на себя (*nirvandva* = свобода, незатронутая противоположностями), но возвышаться над ними, ибо освобождение от противоположностей ведет к спасению» [39, с. 246]. Автор описывает своеобразный круг человеческой исто-

рии от ветхозаветного состояния к новозаветному и от него снова к ветхозаветному (догредопадческому).

Таким образом, Вяч. Иванов переосмысливает образ *плода*, ставшего в контексте его стихотворения символом, актуализирующим в себе особую авторскую идею, новое понимание христианских основ человеческой жизни. Это, в свою очередь, вызывает семантическую трансформацию фразеологизма *запретный плод*.

Трансформация образа *плода* и фразеологизма у Вяч. Иванова проходит в русле новых религиозных концепций, в частности «религии нового Адама», и основана на его собственных взглядах о новом русском Боге – Дионисе [16]. *Вкушение плода* у Иванова – это обретение утерянной человеком целостности, освобождение от противоположностей мира и путь к спасению.

Проведенный анализ позволяет, таким образом, заключить: специфика фразеологического значения как значения эврисемичного связана с особенностями фразеологического образа, сложного по своей внутренней структуре, наглядного, эксплицированного и детализированного, и это объясняет своеобразие употребления идиом и возможности их авторского переосмысления.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В работах 1970–1980-х гг. специфику фразеологического значения связывали, например, с различным характером внутренней формы фразеологической единицы и слова [32, с. 10]; с новыми элементарными смыслами, присущими только фразеологизму как языковому знаку экстралингвистической ситуации [34, с. 65]; с противоречием между реальным значением фразеологизма и этимологическим значением его компонентов [14, с. 19]; с семантической устойчивостью, выражающейся в осложненности семантической структуры различных типов фразеологических единиц [19, с. 53]; с разной степенью языковой абстракции [1, с. 177]. Начиная с 1990-х гг., в ряде работ затрагивается вопрос о диффузности фразеологического значения [30, с. 10–16; 21, с. 13; 27, с. 62], в других подчеркивается его эврисемичность [2, с. 23–32; 28, с. 50; 13 и др.], в некоторых случаях называются оба признака [26, с. 9–12] или диффузность связывается с оценочной эврисемичностью [31, с. 86].

** Заметим, однако, что отмеченные В. В. Виноградовым и А. М. Бабкиным особенности характеризуют не только фразеологическое, но и лексическое значение. Так, на нелимитированность, размытость значения указывал в свое время Д. Н. Шмелев: «В значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью» [37, с. 21]. Ученый вводит в лингвистическое употребление и термин *диффузность*. Говоря об объеме лексического значения, сторонники интегрального подхода к его описанию отмечают невозможность дать исчерпывающий перечень его компонентов, нечеткость его семного состава [29, с. 7]. Ср.: «Значение не имеет жестких и четких границ и иррадирует связи, охватывающие в конечном итоге все знание» [25, с. 23].

*** Приведем отдельные примеры. К неэврисемичным мы относим фразеологизмы типа *публичный дом* [33, с. 141], *желтый дом* [33, с. 141], *золотая свадьба* [33, с. 405], *дать дуба* [33, с. 125] и под. Эврисемичными по объему понятия являются, например, *белое пятно* [8, с. 36], *весь [белый] свет* [8, с. 111], *стар и мал* [33, с. 449] и др. К эврисемичным по содержанию понятия мы относим фразеологизмы типа *змея подколотная* [33, с. 172], *ломовая лошадь* [8, с. 366], *мышинный жеребчик* [8, с. 391] и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 176–180.
2. *Алефиренко Н. Ф., Валух З. О.* Теоретические основы фразеографической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеографии. Новгород: Новг. ун-т, 1990. С. 23–32.
3. *Бабкин А. М.* Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 5–43.
4. *Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.* Энциклопедия символов / пер. с нем. Г. Гаева. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
5. *Бердяев Н. А.* Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и к., 1997. 541 с.
6. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические / в русском переводе с параллельными местами и словарем. М.: Российское библейское общество, 1998. 1314 с.
7. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель – АСТ – Люкс, 2005. 926 с.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
9. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: созерцание и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
10. *Васильев Л. М.* Многозначность и семантическая диффузность слова // Языки Евразии: этнокультурологический контекст: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. 19–20 ноября 2003 г. Уфа: Восточный университет, 2003. С. 23–24.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
12. *Грановская Л. М.* Словарь имен и крылатых выражений из Библии. М.: Астрель – АСТ, 2003. 288 с.
13. *Добрыднева Е. А.* Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства: учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 1998. 88 с.
14. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
15. *Зыкова И. В.* ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД кто, что [для кого] // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 229–230.
16. *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 2000. 343 с.
17. *Иванов Вяч.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
18. *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М.: «REFL-book», 1994. 608 с.
19. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
20. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ученые записки ЛГУ. № 198, серия филол. наук: вып. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л.: ЛГУ, 1956. С. 200–224.
21. *Лебединская В. А., Усачева Н. Б.* Семантика процессуальных фразеологизмов: научная монография. Курган: Курганский гос. ун-т, 1999. 185 с.
22. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Введение // Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари: Астрель, 2001. С. 3–44.
23. *Мокиенко В. М.* О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / под ред. Е. М. Верещагина. М.: Русский язык, 1982. С. 108–121.

24. Назарян А. Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция? // Филологические науки. 1983. № 6. С. 34–40.
25. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
26. Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учеб. пособие. Пермь: ПГПИ, 1990. 127 с.
27. Ратушная Е. Р. К проблеме структурности фразеологического значения (на материале фразеологизмов, обозначающих лицо) // Семантика русских фразеологизмов: сб. науч. тр. проф.-преп. состава филол. фак-та Курганского гос. ун-та / отв. ред. Е. Р. Ратушная. Курган: Курганский ун-т, 2003. С. 60–71.
28. Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки. 1997. № 5. С. 43–54.
29. Стернин И. А. Речевая номинация и варьирование лексического значения слова // Проблемы семантики русского языка: межвуз. сб. науч. трудов. Ярославль: Ярославский гос. пед. ин-т, 1986. С. 3–13.
30. Телия В. Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.: под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995. С. 10–16.
31. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 208 с.
32. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973. 172 с.
33. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994. 544 с.
34. Черданцева Т. З. Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. М.: Международные отношения, 1977. 168 с.
35. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
36. Шихова Т. М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах: учебное пособие. Архангельск: Поморский ун-т, 2005. 219 с.
37. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 243 с.
38. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
39. Юнг К. Г. Психологические типы. М.: Университетская книга: АСТ, 1998. 720 с.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Frazeologicheskoye znachenije v sisteme semanticheskikh yedinit drugikh urovney yazyka // Teoreticheskiye problemy semantiki i eyo otrazheniya v odnoyazychnykh slovaryakh. Kishinev: Shtiintsa, 1982. S. 176–180.
2. Alefirenko N. F., Valyukh Z. O. Teoreticheskiye osnovy frazeograficheskoy reprezentatsii formal'no-soderzhatel'noy variantnosti frazeologizmov // Problemy russkoy i obshchey frazeografii. Novgorod: Novg. un-t, 1990. S. 23–32.
3. Babkin A. M. Idiomatika i grammatika v slovare // Sovremennaya russkaya leksikografiya. 1980. L.: Nauka, 1981. S. 5–43.
4. Bauer V., Dymotts I., Golovin S. Entsiklopediya simvolov / per. s nem. G. Gayeva. M.: KRON-PRESS, 1998. 512 s.
5. Berdyayev N. A. Russkaya ideya: osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka. Sud'ba Rossii. M.: Svarog i k., 1997. 541 s.
6. Bibliya: knigi svyashchennogo pisanija Vetkhogo i Novogo Zaveta: kanonicheskiye / v russkom perevode s parallel'nymi mestami i slovarem. M.: Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo, 1998. 1314 s.
7. Birikh A. K., Mokiyeiko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'. M.: Astrel' – AST – Lyuks, 2005. 926 s.
8. Bol'shoy frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kul'turologicheskij kommentariy / otv. red. V. N. Teliya. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 s.
9. Bulgakov S. N. Svet nevecherniy: sozertsaniye i umozreniya. M.: Respublika, 1994. 415 s.

10. *Vasil'yev L. M.* Mnogoznachnost' i semanticheskaya diffuznost' slova // Yazyki Yevrazii: etno-kul'turologicheskiy kontekst: materialy Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. 19–20 noyabrya 2003 g. Ufa: Vostochny universitet, 2003. S. 23–24.
11. *Vinogradov V. V.* Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove). M.: Vysshaya shkola, 1972. 615 s.
12. *Granovskaya L. M.* Slovar' imen i krylatykh vyrazheniy iz Biblii. M.: Astrel' – AST, 2003. 288 s.
13. *Dobrydneva E. A.* Sovremennaya russkaya frazeologiya: kategorial'nye priznaki i kommunikativnye svoystva: ucheb. posobiye. Volgograd: Peremena, 1998. 88 s.
14. *Zhukov V. P.* Semantika frazeologicheskikh oborotov: ucheb. posobiye. M.: Prosveshcheniye, 1978. 160 s.
15. *Zykova I. V.* ZAPRETNY PLOD kto, chto [dlya kogo] // Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znacheniyе. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy / otv. red. V. N. Teliya. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006. S. 229–230.
16. *Ivanov Vyach.* Dionis i pradionisiystvo. SPb.: Aletеy'ya, 2000. 343 s.
17. *Ivanov Vyach.* Stikhotvoreniya i poemy. L., 1976.
18. *Kerlot Kh. E.* Slovar' simvolov. M.: «REFL-book», 1994. 608 s.
19. *Kunin A. V.* Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1986. 336 s.
20. *Larin B. A.* Ocherki po frazeologii (o sistematzatsii i metodakh issledovaniya frazeologicheskikh materialov) // Uchenye zapiski LGU. N 198, seriya filol. nauk: vyp. 24. Ocherki po leksikologii, frazeologii i stilistike. L.: LGU, 1956. S. 200–224.
21. *Lebedinskaya V. A., Usacheva N. B.* Semantika protsessual'nykh frazeologizmov: nauchnaya monografiya. Kurgan: Kurganskiy gos. un-t, 1999. 185 s.
22. *Melerovich A. M., Mokiyenko V. M.* Vvedeniye // Melerovich A.M., Mokiyenko V.M. Frazeologizmy v russkoy rechi: slovar'. M.: Russkiye slovari: Astrel', 2001. S. 3–44.
23. *Mokiyenko V. M.* O tematiko-ideograficheskoy klassifikatsii frazeologizmov // Slovare i lingvostranovedeniye / pod red. E. M. Vereshchagina. M.: Russkiy yazyk, 1982. S. 108–121.
24. *Nazaryan A. G.* Semanticheskaya modeliruyemost' frazeologizmov: real'nost' ili fiktsiya? // Filologicheskkiye nauki. 1983. N 6. S. 34–40.
25. *Nikitin M. V.* Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya. M.: Vysshaya shkola, 1988. 168 s.
26. *Podyukov I. A.* Narodnaya frazeologiya v zerkale narodnoy kul'tury: ucheb. posobiye. Perm': PGPI, 1990. 127 s.
27. *Ratushnaya E. R.* K probleme strukturnosti frazeologicheskogo znacheniya (na materiale frazeologizmov, oboznachayushchikh litso) // Semantika russkikh frazeologizmov: sb. nauch. tr. prof.-prep. sostava filol. fak-ta Kurganskogo gos. un-ta / otv. red. E. R. Ratushnaya. Kurgan: Kurganskiy un-t, 2003. S. 60–71.
28. *Solodub Yu. P.* Sopostavitel'ny analiz struktury leksicheskogo i frazeologicheskogo znacheniya // Filologicheskkiye nauki. 1997. N 5. S. 43–54.
29. *Sternin I. A.* Rechevaya nominatsiya i var'irovaniye leksicheskogo znacheniya slova // Problemy semantiki russkogo yazyka: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Yaroslavl': Yaroslavskiy gos. ped. in-t, 1986. S. 3–13.
30. *Teliya V. N.* Osnovnye osobennosti znacheniya idiom kak yedinit's frazeologicheskogo sostava yazyka // Slovar' obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka / T. S. Aristova, M. L. Kovshova, E. A. Ryseva i dr.: pod red. V. N. Teliya. M.: Otechestvo, 1995. S. 10–16.
31. *Teliya V. N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 208 s.
32. *Fedorov A. I.* Razvitiye russkoy frazeologii v kontse XVIII – nachale XIX v. Novosibirsk: Nauka, 1973. 172 s.
33. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. A. I. Molotkova. SPb.: Variant, 1994. 544 s.
34. *Cherdantseva T. Z.* Yazyk i yego obrazy: ocherki po ital'yanskoy frazeologii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 168 s.
35. *Shvedova N. Yu.* Mestoimeniye i smysl. Klass russkikh mestoimeniy i otkryvayemye imi smyslovyye prostranstva. M.: Azbukovnik, 1998. 176 s.
36. *Shikhova T. M.* Internatsional'naya frazeologiya v diakhronicheskom i sinkhronicheskom aspekto: uchebnoye posobiye. Arkhangel'sk: Pomorskiy un-t, 2005. 219 s.
37. *Shmelev D. N.* Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. M.: Prosveshcheniye, 1964. 243 s.

ФИЛОЛОГИЯ

38. *Yung K. G.* Dusha i mif. Shest' arkhетipov. Kiyev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996. 384 s.

39. *Yung K. G.* Psikhologicheskiye tipy. M.: Universitetskaya kniga: AST, 1998. 720 s.